

— Домой мы вернулись как раз ко дню рождения Ирины, она приехала на день раньше нас. Восемнадцать лет исполнилось нашей доченьке! Счастливая пора. Поступила, Дима тоже здесь в Калининграде. Любовь свою они уже совсем не скрывают, ходят взявшись за руки. Вечером посидели у нас. Были дедуля с Тамарой Сергеевной и Дима.

— Под конец, когда отец с женой уже ушли, я разговорился с Димой. Мне нравилось, что он увлекается в споре. Я попарадоксальничал немного. Дима рассказывал про молодёжь, которая собирается в Ленинграде у Казанского собора, и есть там юнцы, которые открыто провозглашают себя фашистами. Дима считал их просто недоумками. Я, отчасти чтобы подразнить его, а ещё больше Сашулю, возражал:

— - Быть может, они вкладывают в это слово некий неизвестный нам смысл или просто дразнят окружающих, эпатируют их, протестуя таким образом против того, что им не нравится в окружающей жизни?

— - Да нет, они сами не знают, чего хотят. Никаких идей у них нет, просто хулиганят.

— - Ну, это надо было бы выяснить у них. Я таких не видел и не знаю, что у них за душой, но допускаю, что это необязательно просто идиоты.

— Сашуля возмущалась:

— - Да одно слово "фашист" переворачивает у людей всё. Это же синоним зла для нашего поколения, не говоря уже о старших. А они объявляют себя фашистами и кичатся этим ещё! Конечно, идиоты!

— - Кто их знает? Повторяю, я с такими не встречался. Но разве старшее поколение не достаточно изолгалось, чтобы их дети не признавали святынь своих родителей? Во всяком случае это выглядит как форма идеологического протеста, что уже можно уважать.

Гораздо хуже простое битьё кофлой запоздалых прохожих - таких ведь навалом, и они, на мой взгляд, страшнее, просто скоты уж совсем.

— - Ну и эти не лучше, - возражала Сашуля. - Ещё хуже, может быть. Фашисты вон что творили!

— - Само слово, которым группировка себя именует, обычно мало ещё что раскрывает. Вон полпотовцы себя коммунистами считают, а мы их - фашистами. В Китае культурную революцию тоже коммунисты осуществляли.

— - Ну, фашизм - это понятие однозначное.

— - Не знаю, не знаю - какой смысл они в него вкладывают? Ведь про фашизм им с детства внушали, какая это гнусность, а они или не верят, или вкладывают некий особый смысл в это понятие.

— - Это ты всё выдумываешь себе. Ничего у них за душой нет.

— - Не знаю, не знаю. Я их не видел и не разговаривал с ними, и ты тоже. Дима тоже не разговаривал, только видел.

— - Я, действительно, не разговаривал ни с кем из них. Но они не производят впечатления, что могут что-то сказать. Это как "фанаты" спартаковские, - сказал Дима.

— Ирина наша в разговоре не участвовала, как обычно, то ли смущаясь, то ли не имея, что сказать. Ей просто было хорошо сидеть и слушать. Потом они с Димой отправились погулять, а мы с Сашулей продолжали по инерции ещё спор за мытьём посуды. Сашуля всё не могла успокоиться, как это я фашистов защищаю, а я убеждал её, что защищаю свободу высказываний и призываю к тому, чтобы люди пытались понять других, а не охаивали огульно по одному только слову, хоть и такому ... одиозному, что ли.

— Лето это простояло необычно жарким в Прибалтике, и август оставался сухим и ясным. Один раз (16-го) мы с Митей попробовали съездить за грибами на 26-й километр по железной дороге на Балтийск, откуда несли подосиновики, но, не зная совершенно этих мест и непрерывно натываясь на колючие ограждения запретных зон, ничего путного не нашли, только в одном месте - небольшом соснячке набрали мелких маслят.

— Семейство Лебле вернулось со своей псковской дачи, и мы пару раз ездили с ними на заставу купаться в море, как обычно, прогревшемся у берега к концу лета.

Жанна и Люда Лебле, я, Сашуля и Митя на пляже у заставы перед Балтийском, август 1983 г.

В один из этих выездов (18-го) к вечеру стало понемногу бросать янтарь как раз в том месте, где мы расположились. Народу на берегу было очень мало. Какие-то две тётки (одна лет под пятьдесят, другая молодуха ещё - около тридцати) купались неподалёку без бюстгалтеров в одних трусиках. Увидев куски янтаря в грязи, они начали его ловить и выкидывать грязь на берег, не обращая никакого внимания на других подошедших любителей этого дела, в том числе и на нас с Серёжей. Я предусмотрительно взял с собой сачок и черпал им грязь плечом к плечу с полуголыми тётками. Люда с Жанной аж визжали от восторга, наблюдая эту картину. А я в азарте утопил свои очки бифокальные в финской оправе, которые мне в Москве Бирюковы сделали, - смыло волной.

17-го с Серёжей и Митей мы ездили на мотоцикле в сторону Полесска на рыбалку. Заезжали к пионерлагерю. Канальчик обмелел и зарос весь, на заливе волна. Поехали на Полесский канал. Разыскали в лесу озеро, на котором якобы (по словам Шевчука) хорошо ловится всякая рыба, но местные мужики сказали, что кроме мелочишки в нём ничего нет, да и подъехать на мотоцикле вплотную невозможно. Кончили тем, что ловили на традиционном месте у Головкина и наловили стандартную порцию окушков, плотвичек, густёрок, краснопёрок - килограмма по два, но не крупных.

22-го августа Сашуля уехала в Ленинград в командировку на "Вектор". Иринка была уже там, отработывала на ремонте общежития (!). Ей самой общежития не дали. Она, подавая документы ещё, перед вступительными экзаменами, указала, что в общежитии не нуждается, боясь, что иначе опять попадёт в нежелательный контингент. И вот теперь было уже бесполезно просить, хотя она и пробовала.

Добросердечные дядюшка Вова и тётушка Тамара согласились, чтобы Иринка жила у них. Каждый день теперь ей предстояло мотаться на электричке из Сестрорецка в Ленинград и обратно, затрачивая по полтора часа на дорогу в институт в одну только сторону. Диме общежития тоже не дали. Он третий год уже снимал комнату у хозяйки

двухкомнатной квартиры где-то в районе Поклонной горы.

— 24-го августа мы с Митей и Саенко ездили на мотоцикле за одичавшими грушами, мелкими, но сладкими, как раз для варенья, к развалинам старой мельницы в верховьях Прохладной. Набрали по рюкзаку.

— А 26-го августа состоялся грандиозный выезд на рыбалку с ночёвкой. Собралась почти вся Серёжина кафедра: Николай Алексеевич Корнеев, Миша (Михаил Васильевич) Локтионов, Лёша Иванов, Алексей Яковлевич Шпилевой с женой и отцом, Серёжа, а из "посторонних" - Женя Кондратьев, фактически возглавлявший всю эту экспедицию, и мы с Митей.

— За несколько дней до этого Кондратьев побывал на рыбалке в районе Берёзовки на канале, соединяющем Прегель с Вороньим озером и называемом почему-то Старым Прегелем (возможно, параллельное судоходное русло проложено позднее), сам наловил там лещей, а ещё больше видел пойманных другими, рыбачившими там. Эти его рассказы возбудили Серёжу, и он воодушевил на коллективный выезд остальных.

— Отправились на двух машинах ("Москвич" Шпилевых и "Запорожец" Иванова) и на моём мотоцикле. Собирались у нашего дома. Когда эта кавалькада двинулась, Серёжа аж заэхал от восхищения её внушительностью - такой моторизованной толпой мы ещё ни разу не выезжали.

— Второй раз Серёжа заэхал, когда мы прибыли на место, новое для нас с ним:

— Эх, какие угодья! Рыба, небось, кишит!

— И бросился по своему обыкновению захватывать позицию поудобнее, разматывать и закидывать снасти, тогда как остальные действовали, не торопясь, осмотревшись, заботясь не только о ловле, но и о ночёвке, то есть о палатке и дровах для костра.

— Место, действительно, производило впечатление рыбного. Канал шириной метров в двадцать, течение довольно сильное, и сразу у берега глубоко, как в Озерках. На расстоянии вытянутого удилица длиной 4-5 метров глубина больше длины удилица, то есть низкий берег очень круто уходит в воду. У самой воды берег густо зарос камышами, однако много окон и утрамбованных площадок для ловли; чувствуется, что место посещаемое. Правда, сейчас кроме нас здесь никого нет. День будний и время ещё жаркое, пятый час пополудни только.

— Ни кустов, ни деревьев поблизости нет. Канал течёт по широкой плоской пойме Прегеля, заливаемой осенью и зимой, так что дрова надо таскать издалека. Подъезд из Берёзовки очень удобный, что не способствует, конечно, уединению, но мы с Кондратьевым пробовали пробиться к каналу на мотоцикле в других местах и не сумели.

— Пока было жарко, ни у кого не клевало, хотя по верху рыба и плескалась, так что зря Серёжа суетился. Но и к вечеру дело не шибко разгорелось. Попалось несколько окуней, да Шпилевые нащупали плотву в устье мелиоративной канавы метра в два шириной, впадающей в канал. Мы с Митей взяли лёгкую удочку, оставив у неё только два верхних колена, и подёргали с полчаса плотвичек (мелких и средних) в этой канаве.

— И надо же! Пока мы там торчали, Кондратьев, проходя мимо нашего базового места, увидел, что одну из наших оставленных удочек кто-то волочёт. Подсёк и вытащил леща! А через некоторое время Серёжа поймал угря приличного. На уху уже было, и Кондратьев занялся её приготовлением, а уж по ходу рыбу ещё подносили: второго леща, помельче, правда, двух угрей, крупную плотву. Даже когда уха была уже готова - отменная получилась! - абсолютно стемнело, и у костра забряцали кружки и забулькало из бутылок, Серёжа временами бегал проверять донки и, нет-нет, чего-нибудь да вытаскивал.

— Митя был очень доволен компанией и костром, долго сидел у огня, но потом сморился, и я уложил его в палатке, где ему тоже понравилось, и он заснул там, как убитый. Для развлечения публики я взял с собой одно из писем отца Ианнуария - с выдержками из хулиганского романа про Ибанск ("Зияющие высоты" Зиновьева) и читал их вслух при свете костра. В такой обстановке чтиво это пришлось по вкусу, смеялись от

души, не обращая внимания на передержки.

— Кондратьев не слышал до сих пор об отце Ианнуарии. Почему-то контакты с Кондратьевым у меня ослабели в последние годы, встречались только на зимних рыбалках. С остальными, исключая Серёжу, разумеется, я тоже впервые сидел так у костра. И естественно, что разговор пошёл дальше об отце Ианнуарии, о моей переписке с ним, а дальше - о Боге, о смысле жизни...

— Спиртного хватило на всю ночь. Николай Алексеевич быстрее всех захмелел, он перебрал сверх своей нормы до дурноты и уполз в палатку к Мите. Серёжа тоже хватанул лишку и порывался петь, но в этот раз не получил от меня поддержки, сник, загрустил и бормотал что-то невнятно-лирическое. Мы же с Кондратьевым завелись до самого утра, добавляя себе понемногу, но не хмелея в азарте.

— Остальные трое - Иванов, Шпилевой и Локтионов больше не пили, но и не уходили от костра, в споре нашем, однако, не участвуя. Иванов сидел на брёвнышке, Локтионов лежал на боку, укрывшись моим старым пальто, так и уснул, а проснулся от того, что прожёт огромную дыру в пальто, которое, оказывается, тлело тем временем потихоньку от попавшего на него уголька. Шпилевой же простоял всю ночь, сложив руки на груди и уставившись задумчиво на костёр.

— А спорили мы с Кондратьевым всё о том же - о Боге и о смысле жизни. Ни до чего не dospорились, конечно, всё-таки выпитое давало себя знать. Тем временем рассвело, мы отправились к своим снастям, кто-то вытащил леща, но и только. Заря утренняя была короткая, клёва не было, и я, сморенный ночным бдением, сладко уснул прямо на берегу. Когда проснулся, солнце уже пекло вовсю, я разделся и голышом полез в воду купаться, за мной Кондратьев и Серёжа. Плавали с наслаждением, вызывая неудовольствие приехавших с утра рыбаков, терпеливо высиживавших своё, не взирая на жару и отсутствие клёва.

— Купание полностью восстановило нас, и в обед мы вполне бодренькие вернулись домой.

— Через три дня мы с Митей снова приехали вечером на это место, просидели без поклёвок с восьми до полдесятого и уехали восвояси, так как нас зажрали комары, невесть откуда взявшиеся. В прошлый раз их вовсе не было, так как дул ветерок, а в тишь они изо всех щелей понавывлетали и прогнали нас.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)